

Бенгальские огни

Приключения простых мальчишек, пусть даже произошедшие еще во времена СССР, увлекают и занимают современных ребят. Озорство, находчивость и любознательность героев, безусловно, вызывают улыбку, но история Бенгальские огни Носова содержит и поучительное послание подрастающему поколению.

В коротком произведении, которое с легкостью осилит даже первоклашка, рассказывается о неумной фантазии, бахвальстве и их последствиях. Смысл написанного можно свести к поговорке «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь», поэтому рассказ Носова бенгальские огни читать лучше всего тем детям, которые любят чрезмерно хвастаться своими успехами раньше времени.

Сколько хлопот у нас с Мишкой было перед Новым годом! Мы уже давно готовились к празднику: клеили бумажные цепи на ёлку, вырезали флажки, делали разные ёлочные украшения. Всё было бы хорошо, но тут Мишка достал где-то книгу “Занимательная химия” и вычитал в ней, как самому сделать бенгальские огни.

С этого и началась кутерьма! По целым дням он толк в ступе серу и сахар, делал алюминиевые опилки и поджигал смесь на пробу. По всему дому шёл дым и воняло удушливыми газами. Соседи сердились, и никаких бенгальских огней не получалось.

Но Мишка не унывал. Он позвал к себе на ёлку даже многих ребят из нашего класса и хвастал, что у него будут бенгальские огни.

— Они знаете какие! — говорил он. — Они сверкают, как серебро, и рассыпаются во все стороны огненными брызгами. Я говорю Мишке:

— Что же ты наделал? Позвал ребят, а никаких бенгальских огней не будет.

— Почему не будет? Будет! Ещё времени много. Всё успею сделать.

Накануне Нового года он приходит ко мне и говорит:

— Слушай, пора нам за ёлками ехать, а то останемся мы на праздник без ёлок.

— Сегодня уже поздно, — ответил я. — Завтра поедем.

— Так ведь завтра уже украшать ёлку надо.

— Ничего, — говорю я. — Украшать надо вечером, а мы поедем днём, сейчас же после школы.

Мы с Мишкой уже давно решили поехать за ёлками в Горелкино, где мы жили у тёти Наташи на даче. Тёти Наташин муж работал лесничим и ещё летом сказал, чтобы мы приезжали к нему в лес за ёлками. Я даже заранее упросил маму, чтоб она разрешила мне в лес поехать.

На другой день я прихожу к Мишке после обеда, а он сидит и толчёт бенгальские огни в ступе.

— Что ж ты, — говорю, — не мог раньше сделать? Ехать пора, а ты возишься!

— Да я делал и раньше, только, наверно, мало серы клал. Они шипят, дымят, а гореть не горят.

— Ну и брось, всё равно ничего не выйдет.

— Нет, теперь, наверно, выйдет. Надо только побольше серы класть. Дай-ка мне алюминиевую кастрюлю, вон на подоконнике.

— Где же кастрюля? Тут только сковородка, — говорю я.

— Сковородка?.. Эх, ты! Да это и есть бывшая кастрюля. Давай её сюда.

Я передал ему сковородку, и он принялся скоблить её по краям напильником.

— Это у тебя, значит, кастрюля в сковородку превратилась? — спрашиваю я.

— Ну да, — говорит Мишка. — Я её пилил напильником, пилил, вот она и сделалась сковородкой. Ну ничего, сковородка тоже нужна в хозяйстве.

— Что же тебе мама сказала?

— Ничего не сказала. Она ещё не видела.

— А когда увидит?

— Ну что ж... Увидит так увидит. Я, когда вырасту, новую кастрюлю ей куплю.

— Это долго ждать, пока ты вырастешь!

— Ничего.

Мишка наскоблил опилок, высыпал порошок из ступки, налил клею, размешал всё это, так что у него получилось тесто вроде замазки. Из этой замазки он наделал длинных колбасок, навертел их на железные проволочки и разложил на фанерке сушиться.

— Ну вот, — говорит, — высохнут — и будут готовы, только надо от Дружка спрятать.

— Зачем от него прятать?

— Слопает.

— Как — слопает? Разве собаки бенгальские огни едят?

— Не знаю. Другие, может быть, и не едят, а Дружок ест. Один раз я оставил их сохнуть, вхожу — а он их грызёт. Наверно, думал, что это конфеты.

— Ну, спрячь их в печь. Там тепло, и Дружок не достанет.

— В печку тоже нельзя. Один раз я их спрятал в печь, а мама пришла и затопила — они и сгорели. Я их лучше на шкаф положу, — говорит Мишка.

Мишка взобрался на стул и положил фанерку на шкаф.

— Ты ведь знаешь, какой Дружок, — говорит Мишка. — Он всегда мои вещи хватает! Помнишь, он затащил мой левый ботинок, так что мы его нигде найти не могли. Пришлось мне тогда три дня ходить в валенках, пока другие ботинки не купили. На дворе теплынь, а я хожу в валенках, как будто обмороженный! А потом уже, когда купили другие ботинки, мы этот ботинок, который один остался, выбросили, потому что кому он нужен — один ботинок! А когда его выбросили, отыскался тот ботинок, который потерялся. Оказалось — его Дружок затащил на кухню под печь. Ну, мы и этот ботинок выбросили, потому что если б первый не выбросили, то и второй бы не выбросили, а раз первый выбросили, то и второй выбросили. Так оба и выбросили. Я говорю:

— Довольно тебе болтать! Одевайся скорее, ехать надо. Мишка оделся, мы взяли топор и помчались на вокзал. А тут поезд как раз ушёл, так что пришлось нам дожидаться другого. Ну ничего, дождалось, поехали. Ехали, ехали, наконец приехали. Слезли в Горелкине и пошли прямо к лесничему. Он дал нам квитанцию на две ёлки, показал делянку, где разрешалось рубить, и мы пошли в лес. Елок кругом много, только Мишке они все не нравились.

— Я такой человек, — хвалился он, — уж если поехал в лес, то срублю самую лучшую ёлку, а то и ездить не стоит. Забрались мы в самую чащу.

— Надо рубить поскорей, — говорю я. — Скоро и темнеть начнёт.

— Что ж рубить, когда нечего рубить!

— Да вот, — говорю, — хорошая ёлка.

Мишка осмотрел ёлку со всех сторон и говорит:

— Она, конечно, хорошая, только не совсем. По правде сказать, совсем нехорошая: куцая.

— Как это — куцая?

— Верхушка у неё короткая. Мне такой ёлки и даром не надо!

Нашли мы другую ёлку.

— А эта хромая, — говорит Мишка.

— Как — хромая?

— Так, хромая. Видишь, у неё нога внизу закривляется.

— Какая нога?

— Ну, ствол.

— Ствол! Так бы и говорил! Нашли мы ещё одну ёлку.

— Лысая, — говорит Мишка.

— Сам ты лысый! Как это ёлка может быть лысая?

— Конечно, лысая! Видишь, какая она реденькая, вся просвечивает. Один ствол виден. Просто не ёлка, а палка!

И так всё время: то лысая, то хромая, то ещё какая-нибудь!

— Ну, — говорю, — тебя слушать — до ночи ёлки не срубишь!

Нашёл себе подходящую ёлочку, срубил и отдал топор Мишке:

— Руби поскорей, нам домой ехать пора.

А он словно весь лес взялся обыскать. Уж я и просил его и бранил — ничего не помогало. Наконец он нашёл ёлку по своему вкусу, срубил, и мы пошли обратно на станцию. Шли, шли, а лес всё не кончается.

— Может, мы не в ту сторону идём? — говорит Мишка. Пошли мы в другую сторону. Шли, шли — всё лес да лес! Тут и темнеть начало. Мы давай сворачивать то в одну сторону, то в другую. Запутались совсем.

— Вот видишь, — говорю, — что ты наделал!

— Что же я наделал? Я ведь не виноват, что так скоро наступил вечер.

— А сколько ты ёлку выбирал? А дома сколько возился? Вот придётся из-за тебя в лесу ночевать!

— Что ты! — испугался Мишка. — Ведь ребята сегодня придут. Надо искать дорогу.

Скоро стемнело совсем. На небе засверкала луна. Чёрные стволы деревьев стояли, как великаны, вокруг. За каждым деревом нам чудились волки. Мы остановились и боялись идти вперёд.

— Давай кричать! — говорит Мишка. Тут мы как закричим вместе:

— Ау!

“Ау!” — ответило эхо.

— Ау! Ау-у! — закричали мы снова что было силы. “Ау! Ау-у!” — повторило эхо.

— Может быть, нам лучше не кричать? — говорит Мишка.

— Почему?

— Ещё волки услышат и прибегут.

— Тут, наверно, никаких волков нет.

— А вдруг есть! Лучше пойдём скорее. Я говорю:

— Давай прямо идти, а то мы никак на дорогу не выберемся.

Пошли мы снова. Мишка всё оглядывался и спрашивал:

— А что делать, когда нападают волки, если ружья нет?

— Бросать в них горящие головешки, -говорю я.

— А где их брать, эти головешки?

— Развести костёр — вот тебе и головешки.

— А у тебя есть спички?

— Нету.

— А они на дерево могут влезть?

— Кто?

— Да волки.

— Волки? Нет, не могут.

— Тогда, если на нас нападут волки, мы залезем на дерево и будем сидеть до утра.

— Что ты! Разве просидишь на дереве до утра!

— Почему не просидишь?

— Замёрзнешь и свалишься.

— Почему замёрзнешь? Нам ведь не холодно.

— Нам не холодно, потому что мы двигаемся, а попробуй посиди на дереве без движения — сразу замёрзнешь.

— А зачем сидеть без движения? — говорит Мишка. — Можно сидеть и ногами дрыгать.

— Это устанешь — целую ночь на дереве ногами дрыгать! Мы продирались сквозь густые кустарники, спотыкались о пни, тонули по колено в снегу. Идти становилось трудней и трудней.

Мы очень устали.

— Давай бросим ёлки! — говорю я.

— Жалко, — говорит Мишка. — Ко мне ребята сегодня придут. Как же я без ёлки буду?

— Тут нам бы самим, — говорю, — выбраться! Чего ещё о ёлках думать!

— Постой, — говорит Мишка. — Надо одному вперёд идти и протапывать дорогу, тогда другому будет легче. Будем меняться по очереди.

Мы остановились, передохнули. Потом Мишка впереди пошёл, а я за ним следом. Шли, шли... Я остановился, чтоб переложить ёлку на другое плечо. Хотел идти дальше, смотрю — нет Мишки! Исчез, словно провалился под землю вместе со своей ёлкой.

Я кричу:

— Мишка!

А он не отвечает.

— Мишка! Эй! Куда же ты делся?

Нет ответа.

Я пошёл осторожно вперёд, смотрю — а там обрыв! Я чуть не свалился с обрыва. Вижу — внизу шевелится что-то тёмное.

— Эй! Это ты, Мишка?

— Я! Я, кажется, с горы скатился!

— Почему же ты не отвечаешь? Я тут кричу, кричу...

— Ответишь тут, когда я ногу ушиб! Я спустился к нему, а там дорога. Мишка сидит посреди дороги и коленку руками трёт.

— Что с тобой?

— Коленку ушиб. Нога, понимаешь, подвернулась.

— Больно?

— Больно! Я посижу.

— Ну, давай посидим, — говорю я. Уселись мы с ним на снегу. Сидели, сидели, пока нас не пробрал холод. Я говорю:

— Тут и замёрзнуть можно! Может быть, пойдём по дороге? Она нас куда-нибудь выведет: или на станцию, или к лесничему, или в деревню какую-нибудь. Не замерзать же в лесу!

Мишка хотел встать, но тут же заохал и опять сел.

— Не могу, — говорит.

— Что же теперь делать? Давай я понесу тебя на закорках, — говорю я.

— Да разве ты донесёшь?

— Давай попробую.

Мишка поднялся и начал взбираться ко мне на спину. Кряхтел, кряхтел, насилие залез. Тяжёлый! Я согнулся в три погибели.

— Ну, неси! — говорит Мишка.

Только прошёл я несколько шагов, поскользнулся — и бух в снег.

— Ай! — заорал Мишка. — У меня нога болит, а ты меня в снег кидаешь!

— Я же не нарочно!

— Не брался бы, если не можешь!

— Горе мне с тобой! — говорю я. — То ты с бенгальскими огнями возился, то ёлку до самой темноты выбирал, а теперь вот зашибся... Пропадёшь тут с тобой!

— Можешь не пропадать!..

— Как же не пропадать?

— Иди один. Это всё я виноват. Я уговорил тебя за ёлками ехать.

— Что же, я тебя бросить должен?

— Ну и что ж? Я и один дойду. Посижу, нога пройдёт — я и пойду.

— Да ну тебя! Никуда я без тебя не пойду. Вместе приехали, вместе и вернуться должны. Надо придумать что-нибудь.

— Что же ты придумаешь?

— Может быть, санки сделать? У нас топор есть.

— Как же ты из топора санки сделаешь?

— Да не из топора, голова! Срубить дерево, а из дерева — санки.

— Всё равно гвоздей нет.

— Надо подумать, — говорю я.

И стал думать. А Мишка всё на снегу сидит. Я подтащил к нему ёлку и говорю:

— Ты лучше на ёлку сядь, а то простудишься.

Он уселся на ёлку. Тут мне пришла в голову мысль.

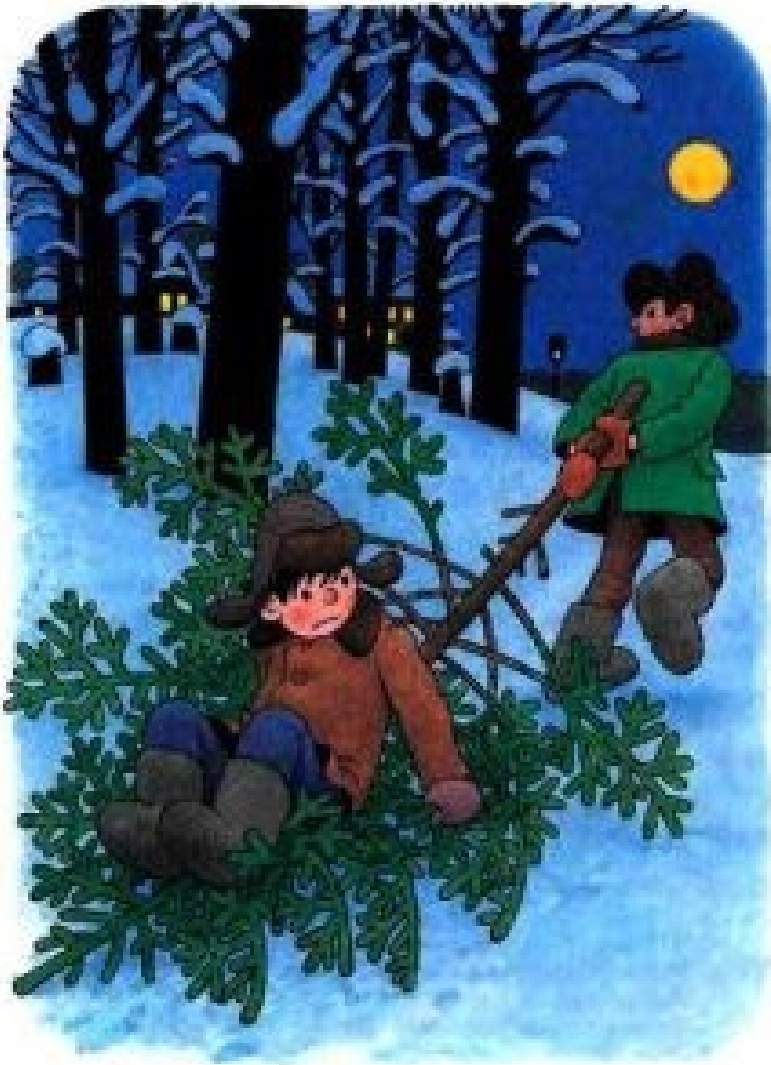
— Мишка, — говорю я, — а что, если тебя повезти на ёлке?

— Как — на ёлке?

— А вот так: ты сиди, а я буду за ствол тащить. Ну-ка, держись!

Я схватил ёлку за ствол и потащил. Вот как ловко придумал! Снег на дороге твёрдый, укатанный, ёлка по нему легко идёт, а Мишка на ней — как на санках!

— Замечательно! — говорю я. — На-ка, держи топор. Отдал ему топор. Мишка уселся поудобнее, и я повёз его по дороге. Скоро мы выбрались на опушку леса и сразу увидели огоньки.

— Мишка! — говорю. — Станция! Издали уже слышался шум поезда.

— Скорей! — говорит Мишка. — Опоздаем на поезд! Я припустился изо всех сил. Мишка кричит:

— Ещё поднажми! Опоздаем!

Поезд уже подъезжал к станции. Тут и мы подоспели. Подбегаем к вагону. Я посадил Мишку. Поезд тронулся, я вскочил на подножку и ёлку за собой втащил. Пассажиры в вагоне стали бранить нас за то, что ёлка колючая.

Кто-то спросил:

— Где вы взяли такую ободранную ёлку?

Мы стали рассказывать, что с нами в лесу случилось. Тогда все стали жалеть нас. Одна тётя усадила Мишку на скамейку, сняла с него валенок и осмотрела ногу.

— Ничего страшного нет, — сказала она. — Просто ушиб.

— А я думал, что ногу сломал, так она у меня болела, — говорит Мишка. Кто-то сказал:

— Ничего, до свадьбы заживёт!

Все засмеялись. Одна тётенька дала нам по пирогу, а другая — конфет. Мы обрадовались, потому что очень проголодались.

— Что же мы теперь будем делать? — говорю я. — У нас на двоих одна ёлка.

— Отдай её на сегодня мне, — говорит Мишка, — и дело с концом.

— Как это — с концом? Я её тащил через весь лес да ещё тебя на ней вёз, а теперь сам без ёлки останусь?

— Так ты мне её только на сегодня дай, а завтра я тебе возвращу обратно.

— Хорошенькое, — говорю, — дело! У всех ребят праздник, а у меня даже ёлки не будет!

— Ну ты пойми, — говорит Мишка, — ко мне ребята сегодня придут! Что я буду без ёлки делать?

— Ну, покажешь им свои бенгальские огни. Что, ребята ёлки не видели?

— Так бенгальские огни, наверно, не будут гореть. Я их уже двадцать раз делал — ничего не получается. Один дым, да и только!

— А может быть, получится?

— Нет, я и вспоминать про это не буду. Может, ребята уже забыли.

— Ну нет, не забыли! Не надо было заранее хвастаться.

— Если б у меня ёлка была, — говорит Мишка, — я бы про бенгальские огни что-нибудь сочинил и как-нибудь выкрутился, а теперь просто не знаю, что делать.

— Нет, — говорю, — не могу я тебе ёлку отдать. У меня ещё ни в одном году так не было, чтоб ёлки не было.

— Ну будь другом, выручи! Ты меня уже не раз выручал!

— Что же, я тебя всегда выручать должен?

— «Ну, в последний раз! Я тебе что хочешь за это дам. Возьми мои лыжи, коньки, волшебный фонарь, альбом с марками. Ты ведь сам знаешь, что у меня есть. Выбирай что угодно.

— Хорошо, — сказал я. — Если так, отдай мне своего Дружка.

Мишка задумался. Он отвернулся и долго молчал. Потом посмотрел на меня — глаза у него были печальные — и сказал:

— Нет, Дружка я не могу отдать.

— Ну вот! Говорил “что угодно”, а теперь...

— Я забыл про Дружка... Я, когда говорил, думал про вещи. А Дружок ведь не вещь, он живой.

— Ну и что ж? Простая собака! Если б он хоть породистый был.

— Он же не виноват, что он не породистый! Всё равно он любит меня. Когда меня нет дома, он думает обо мне, а когда я прихожу, радуется и машет хвостом... Нет, пусть будет что будет! Пусть ребята смеются надо мной, а с Дружком я не расстанусь, даже если бы ты мне дал целую гору золота!

— Ну ладно, — говорю я, — бери тогда ёлку даром.

— Зачем даром? Раз я обещал любую вещь, так и бери любую вещь. Хочешь, я тебе дам волшебный фонарь со всеми картинками? Ты ведь очень хотел, чтоб у тебя был волшебный фонарь.

— Нет, не надо мне волшебного фонаря. Бери так.

— Ты ведь столько трудился из-за ёлки — зачем отдавать даром?

— Ну и пусть! Мне ничего не надо.

— Ну, и мне даром не надо, — говорит Мишка.

— Так это ведь не совсем даром, — говорю я. — Просто так, ради дружбы. Дружба ведь дороже волшебного фонаря! Пусть это будет наша общая ёлка.

Пока мы разговаривали, поезд подошёл к станции. Мы и не заметили, как доехали. У Мишки нога совсем перестала болеть. Он только немного прихрамывал, когда мы сошли с поезда.

Я сначала забежал домой, чтоб мама не беспокоилась, а потом помчался к Мишке — украшать нашу общую ёлку.

Ёлка уже стояла посреди комнаты, и Мишка заклеивал ободранные места зелёной бумагой. Мы ещё не кончили украшать ёлку, как стали собираться ребята.

— Что же ты, позвал на ёлку, а сам даже не украсил её! — обиделись они.

Мы стали рассказывать про наши приключения, а Мишка даже приврал, будто на нас напали в лесу волки и мы от них спрятались на дерево. Ребята не поверили и стали смеяться над нами. Мишка сначала уверял их, а потом махнул рукой и сам стал смеяться. Мишкины мама и папа пошли встречать Новый год к соседям, а для нас мама приготовила большой круглый пирог с вареньем и других разных вкусных вещей, чтоб мы тоже могли хорошо встретить Новый год.

Мы остались одни в комнате. Ребята никого не стеснялись и чуть ли не на головах ходили. Никогда я не слышал такого шума! А Мишка шумел больше всех. Ну, я-то понимал, почему он так разошёлся. Он старался, чтоб кто-нибудь из ребят не вспомнил про бенгальские огни, и выдумывал всё новые и новые фокусы.

Потом мы зажгли на ёлке разноцветные электрические лампочки, и тут вдруг часы начали бить двенадцать часов.

— Ура! — закричал Мишка. — С Новым годом!

— Ура! — подхватили ребята. — С Новым годом! Ур-а-а! Мишка уже считал, что всё кончилось благополучно, и закричал:

— А теперь садитесь за стол, ребята, будет чай с пирогом!

— А бенгальские огни где же? — закричал кто-то.

— Бенгальские огни? — растерялся Мишка. — Они ещё не готовы.

— Что же ты, позвал на ёлку, говорил, что бенгальские огни будут... Это обман!

— Честное слово, ребята, никакого обмана нет! Бенгальские огни есть, только они ещё сырые...

— Ну-ка, покажи. Может быть, они уже высохли. А может, никаких бенгальских огней нету?

Мишка нехотя полез на шкаф и чуть не свалился оттуда вместе с колбасками. Они уже высохли и превратились в твёрдые палочки.

— Ну вот! — закричали ребята. — Совсем сухие! Что ты обманываешь!

— Это только так кажется, — оправдывался Мишка. — Им ещё долго сохнуть надо. Они не будут гореть.

— А вот мы сейчас посмотрим! — закричали ребята. Они расхватили все палочки, загнули проволочки крючочками и развесили их на ёлке.

— Пойдите, ребята, — кричал Мишка, — надо проверить сначала!

Но его никто не слушал.

Ребята взяли спички и подожгли все бенгальские огни сразу.

Тут раздалось шипение, будто вся комната наполнилась змеями. Ребята шарахнулись в стороны. Вдруг бенгальские огни вспыхнули, засверкали и рассыпались кругом огненными брызгами. Это был фейерверк! Нет, какой там фейерверк — северное сияние! Извержение вулкана! Вся ёлка сияла и сыпала вокруг серебром. Мы стояли как зачарованные и смотрели во все глаза.

Наконец огни догорели, и вся комната наполнилась каким-то едким, удушливым дымом. Ребята стали чихать, кашлять, тереть руками глаза. Мы все гурьбой бросились в коридор, но дым из комнаты повалил за нами. Тогда ребята стали хватать свои пальто и шапки и начали расходиться.

— Ребята, а чай с пирогом? — надрывался Мишка. Но никто не обращал на него внимания. Ребята кашляли, одевались и расходились. Мишка вцепился в меня, отнял мою шапку и закричал:

— Не уходи хоть ты! Остайся хоть ради дружбы! Будем пить чай с пирогом!

Мы с Мишкой остались одни. Дым понемногу рассеялся, но в комнату всё равно нельзя было войти. Тогда Мишка завязал рот мокрым платком, подбежал к пирогу, схватил его и притащил в кухню.

Чайник уже вскипел, и мы стали пить чай с пирогом. Пирог был вкусный, с вареньем, только он всё-таки пропитался дымом от бенгальских огней. Но это ничего. Мы с Мишкой съели полпирога, а другую половину доел Дружок.